

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ МЕЖДУ С. ВЫСПЯНСКИМ И А. МИЦКЕВИЧЕМ (на материале драмы «Освобождение»)

РАЙКЕВИЧ Анжела Андреевна

аспирант

Балтийский федеральный университет им. И. Канта
г. Калининград, Российская Федерация

Статья посвящена анализу интертекстуальных связей между драмой Станислава Выспянского «Освобождение» и третьей частью романтически-драматической поэмы «Дзяды» Адама Мицкевича. Особое внимание уделяется мотивам мессианизма и национальной мартирологии, что позволяет интерпретировать диалог двух произведений как выражение культурной рефлексии польского романтизма и модернизма.

Ключевые слова: польский мессианизм, «Молодая Польша», романтизм, неоромантизм, интертекстуальный диалог.

Литературное направление «Молодая Польша», период существования которого охватывает примерно 1890-1915 гг., несмотря на свою относительную краткость, стал временем появления множества талантливых авторов. Термин «Молодая Польша» был введен Артуром Гурским и стал частью европейской традиции, включающей такие движения как «Молодая Скандинавия», «Молодая Бельгия» и «Молодая Германия» [5, s. 16]. Также этот период положил начало неоромантическому переосмыслению идеи польского мессианизма, в рамках которой Польше приписывалась роль «Христа народов»: страны, которая путем страданий и кризисов приведет всю Европу к тысячелетию процветания [2, с. 56].

Рассматривая польский мессианизм с точки зрения литературоведения и анализируя его рецепцию в польской литературе начала XX в. с точки зрения интертекстуального диалога, необходимо обратиться к творчеству С. Выспянского, которого в литературоведении по сей день порой называют «четвертым польским пророком» вслед за триадой великих польских романтиков: А. Мицкевичем, Ю. Словацким, З. Красиньским [6, с. 6]. Его драма «Освобождение», при помощи которой автор пытается дистанцироваться от предложенной ему роли неоромантического пророка, является примером не только переосмысления мессианской идеи на рубеже XIX и XX вв., но и интертекстуального диалога с важнейшим текстом польского мессианизма, третьей частью поэмы «Дзяды», а в особенности с ее фрагментом под названием «Великая импровизация».

Связь между двумя произведениями проявляется уже на уровне использования имени собственного как единицы интертекста: главного героя обоих произведений зовут Конрад. Кроме того, Конрад С. Выспянского, как и Конрад А. Мицкевича обладает чертами, характерными именно для романтического героя: чувство одиночества, глубокие внутренние переживания, желание бросить вызов обществу. В визуальном образе героя важную роль играет черный плащ, который ранее уже был использован и А. Мицкевичем в качестве художественной детали [3, s. 93]. А. Войчик отмечает интертекстуальную связь с текстом А. Мицкевича и в первом монологе героя [7, s. 46]: говоря о себе, Конрад заявляет, что «идет издалека, не зная, из рая или ада» («Idę z daleka, nie wiem z raju czyli z piekła» [8, s. 2]), и эти слова героя являются лишь немного измененной цитатой Густава из IV части «Дзядов», которому в свою очередь принадлежат слова: «Idę z daleka, nie wiem, z piekła czyli z raju» [4, s. 123].

Одним из важнейших мотивов «Великой импровизации» является мотив звезды: герой А. Мицкевича, бросая вызов Богу, желает устремиться к звездам и встать на одну ступень с божественным началом, в то время как герой С. Выспянского, напротив, ассоциирует себя со звездой, упавшей с небес на Землю («gdzie gwiazd iskrzące skorpiony świecą w przestrzeni wieczystych głusz, gdzie gniazda bogów i dusz – i spadłem» [8, s. 3]). Еще одним мотивом, объединяющим обоих героев, является любовь к родине: в своих монологах они

размышляют о судьбе своего народа.

Использование гипотекста А. Мицкевича в произведении С. Выспяньского могло быть интерпретировано как попытка возрождения мессианского нарратива. Однако в современном польском литературоведении принято рассматривать интертекстуальную связь между вышеназванными произведениями как саркастичную полемику [7, s. 86]. Если в первом акте драмы герой может быть рассмотрен как двойник Конрада А. Мицкевичем, то во втором он подвергает сомнению отрицает идею Конрада о Польше как спасительнице Европы (««Na so tamy być Chrystusem narodów, wyłącznie na mękę i krzyż i dla cudzego zysku?»» [7, s. 88]).

Конрад А. Мицкевича берет на себя роль

сверхчеловека, бросая вызов божественному началу во имя спасения своей родины [1, с. 41], в то время как Конрад С. Выспяньского критически, с долей иронии смотрит на реалии своей страны. Таким образом, можно утверждать, что в контексте интертекстуального диалога с А. Мицкевичем С. Выспяньский подвергает критике саму идею польского мессианизма, предлагая посмотреть на польскую мариологическую мифологию вне контекста лозунга «Польша – Христос народов», предложенного А. Мицкевичем.

Проблема польского мессианизма является центральной в интертекстуальной полемике между С. Выспяньским и А. Мицкевичем и подвергается переосмыслению и критике в драме «Освобождение».

ЛИТЕРАТУРА

1. Гильманов В.Х. Феноменология духа в «Великой импровизации» А. Мицкевича / В.Х. Гильманов, А.А. Котиленкова // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2025. – № 1. – С. 41-45.
2. Травкина А.А. Специфика польского романтического мессианизма XIX века // Вестник славянских культур. – 2008. – № 3-4(10). – С. 56-64.
3. Engelking L. Aluzje do «Dziadów» Adama Mickiewicza w «Wyzwoleniu» Stanisława Wyspiańskiego. «Zagadnienia Rodzajów Literackich», t. XLVII, z. 1-2 (93-94), 2004. S. 93.
4. Mickiewicz A. Dzieła. T. XI., 1929. – S. 123
5. Okońska A. Stanisław Wyspiański. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1971. – 289 s.
6. Saloni J. Wstęp. W: Stanisław Wyspiański: Wyzwolenie. Poznań: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1948. S. 6.
7. Wójcik A. Wyzwolenie Stanisława Wyspiańskiego w świetle intertekstualności. Zmagania z dziedzictwem mistrza Adama – wroga i ojca, «Roczniki Humanistyczne», z. 1, 1998. S. 45-88.
8. Wyspiański S. Wyzwolenie, Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1970. 214 s.

INTERTEXTUAL DIALOGUE BETWEEN S. VYSPIANSKY AND A. MICKIEWICZ (based on the drama «LIBERATION»)

RAIKEVICH Anzhela Andreyevna

Postgraduate Student

Immanuel Kant Baltic Federal University

Kaliningrad, Russia

The article is devoted to the analysis of intertextual connections between Stanisław Wyspiański's drama «Liberation» and the third part of the romantic-dramatic poem «Dziady» by Adam Mickiewicz. Particular attention is paid to the motives of messianism and national martyrology, which allows us to identify the dialogue of the two works as an expression of the cultural reflection of Polish romanticism and modernism.

Keywords: Polish messianism, Young Poland, romanticism, neo-romanticism, intertextual dialogue.